

Лингвистический статус воспроизводимых иноязычных единиц, как правило, истерпывается термином «заимствование». Известно, что термин «заимствование» распространяется на достаточно пестрый и неоднородный лексический массив, тематически разнообразный, генетически связанный с самыми различными языками, функции которого во многом обусловлены не только прямой номинацией обозначаемого, но и сферой употребления. Некоторые наблюдения, основанные на обобщении языковедческих концепций по этому вопросу, были предложены автором настоящей статьи [4]. Существо проблемы заключается в том, что лексические заимствования рассматриваются, с одной стороны, в соотношении с системой заимствующего языка, т. е. в аспекте действующих норм на уровнях фонетики, морфологии, синтаксиса, которые выступают в качестве признаков степени усвоенности заимствований, а с другой — в аспекте установления сфер функционирования данных лексических единиц. Изучение сфер функционирования вовлекает в научный оборот материал, выходящий за пределы кодификации, что в свою очередь отражается в номинациях объекта исследования. Так, ограниченная территориальная распространённость заимствований (в частности, в русской речи жителей национальных республик) позволяет использовать термины «регионализмы» и «локализмы».

Показателем, по-своему синтезирующим различные аспекты, является включение заимствований в толковые словари заимствующего языка, где в дефинициях обычно содержится локализация обозначаемого понятия, чаще всего территориальная и национальная (национально-территориальная), типа *восточный, в Крыму и на Кавказе, у народов Средней Азии, украинский* [5]. Лексикографические принципы подхода к заимствованиям представляются очень важными для современного этапа развития русского языка в условиях его широких и многообразных контактов с языками народов СССР: «Как самостоятельный источник неологизации в языке можно рассматривать и межязыковые контакты, хотя в общем-то заимствование иноязычной лексики и фразеологии происходит в основном или при необходимости именовать новое в действительной жизни, или при пополнении языком арсенала его средств вариативного обозначения» [6].

В современной русской лексикографии фиксация единиц словарного состава национальных языков народов СССР опирается главным образом на их использование в публицистических текстах центральной печати («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», и др.), а также в публикациях некоторых журналов («Новый мир», «Юность», «Наш современник» и др.) — эти издания являются постоянными источниками для выпусков «Новое в русской лексике». Важно отметить, что исследователи русской неологизации справедливо отказываются от безоговорочной квалификации единичности и множественности использования слова. В Предисловии к «Словарным материалам-78» Н. З. Котелова пишет: «Авторы не всегда могли найти критерии для отграничения слов разового употребления от слов языковых, воспроизводимых. В языковой действительности при отчетливости полярных явлений существует много переходных случаев» [7]. Проблема однократности и многократности использования слова в некоторой степени связана с его отношением к категории *речи* в первом случае или к категории *языка* во втором случае, т. е. «разовое» употребление обычно квалифицируется как окказиональное, периферийное по отношению к языку, тогда как «воспроизводимость» (по формулировке Н. З. Котеловой) сопоставляется с языковой системой.

В связи с обсуждением поставленных вопросов известный полемический интерес вызывает высказывание Е. А. Левашова: «Нетрудно заметить, что типология существующих словарей строится здесь на трех основных и извечных словарных противопоставлениях: словарь языка — словарь подъязыка, словарь языка — словарь речи, словарь одноязычный — словарь переводной. Этим противопоставлениям подчиняются и словари